

Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой. Историческая параллель.

(Речь проф. Д. И. Багалъя).

Еще долго не сгладится въ русскомъ обществѣ тяжелое чувство, вызванное кончиною „величайшаго изъ великихъ“ нашего времени—Льва Николаевича Толстого; еще долго общество будетъ находиться подъ впечатлѣніемъ этой исключительной утраты. Къ обычному *jus manium* (праву мертвыхъ) на погребальную почестъ со стороны живущихъ, которое свойственно даже первобытнымъ, нецивилизованнымъ народамъ, въ данномъ случаѣ присоединится то, что оживить и возродить обликъ почившаго въ свѣтлой, яркой, благодарной памяти цѣлаго ряда послѣдующихъ поколѣній: это уже исключительное право генія—возрождаться и какъ бы жить новою жизнью послѣ смерти въ сознаніи потомства. Въ самомъ дѣлѣ: неужели не живутъ въ нашемъ сознаніи Сократъ, Шекспиръ, Пушкинъ? Вѣдь они и теперь заставляютъ переживать каждаго изъ насъ то, чѣмъ они жили, что они чувствовали. На помощь нашей потребности въ такихъ переживанияхъ приходитъ и *наука*: она вступаетъ въ свои права наследника немедленно послѣ того, какъ обнаружится общественная скорбь. Точное воспроизведеніе жизни дѣятеля въ связи съ его эпохой, установленіе критическимъ путемъ подлиннаго текста его сочиненій, уясненіе ихъ настоящаго смысла и значенія, опредѣленіе тѣхъ вліяній, которыя воздѣйствовали на писателя—вотъ тѣ проблемы, которыя требуютъ въ такихъ случаяхъ научной работы не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ учреждений (академій, ученыхъ обществъ, подчасъ, какъ это было съ Шекспиромъ, специальныхъ); такъ будетъ, увѣрены мы, и съ изученіемъ Л. Н. Толстого, которое приметъ, да уже отчасти и приняло не только національный, но и интернаціональный характеръ.